

Е. Р. Стрельникова

Ферапонтово.

Общество «Наследие

Ферапонтова монастыря»

Короткий, но страшный по своим последствиям период времени в начале XVII в. современники очень метко назвали «смутным». Действительно, это было смутное время! Низвержение царей и святителей, цареубийство, нарушение долга присяги, измена и воровство стало знаменем тех лет. Разрывались связи общественные и семейные, престол царский осиротел и стал предлагаться изменникам-иноземцам, и сама вера православная колебалась... Одни только пастыри словесного стада Христова, такие, как Патриархи Иов и Гермоген, оставались верными своему долгу на фоне ужасов безначалия и разврата.

Смутное время началось с воцарения Бориса Годунова в 1598 г. и закончилось всенародным избранием царя Михаила Феодоровича Романова в 1613 г. За эти 15 лет Россия была обескровлена, истощена и разорена так, как не была растерзана во времена монголо-татарского нашествия. Не избежала общей участи и белозерская земля.

Белозерье еще в царствование Иоанна Грозного хотя и было его любимым местом богомолья, стало столь же любимым местом ссылки опальных бояр. Обитель преподобного Кирилла

**БЕЛОЗЕРЬЕ
В СМУТНОЕ ВРЕМЯ**

наполнялась князьями и боярами, а их жены и дочери ссылались в Горицкий девичий монастырь. Это продолжилось и при Борисе Годунове. Первой жертвой его подозрительности стали сыновья боярина Никиты Романовича и их родственники — Черкасские, Рецинины, Сицкие, Карповы и Шестевы,¹ которых в 1600 г. взяли под стражу, а иных пытали. Только двое из пяти братьев Романовых пережили неволю: Федор (будущий Патриарх Филарет) и Иван.

Старший из братьев Федор Никитич был разлучен с семьей и насильно пострижен в монашество. Супругу его Ксению Ивановну (урожденную Шестову) также насильно постригли в монашество с именем Марфы и сослали в Заонежье. Ее разлучили не только с мужем, но и с детьми — Татьяной и пятилетним Михаилом. Детей отправили на Белоозеро с их теткой Марфой Никитичной Черкасской, родной сестрой опальных братьев. Так в Горицком монастыре оказался в младенчестве будущий государь из династии Романовых — Михаил Феодорович.

«По некоторым данным, записано в летописи Горицкого монастыря, можно заключить, что вместе с отроком Михаилом здесь жила и мать его

инокиня Марфа, и отсюда уже после переселились они в Костромские свои вотчины.² Однако это предположение не подтверждается. Напротив, источники свидетельствуют, что будущего царя разлучили с матерью. Оберегала детей, как могла, их тетка Марфа Никитична. Более полугода саму княгиню в Москве продержали в тюрьме «в железах и на цепи», прежде чем сослать с мужем и родными на Белоозеро. Вместе с нею в Горницком монастыре оказалась также жена Александра Никитича Романова Ульяна Семеновна (урожденная Погожая, Погожева) со своими детьми.³

По приказу Бориса Годунова опале подверглась и царица Мария Нагая (последняя супруга Иоанна Грозного) и мать убиенного царевича Димитрия Угличского. Она была насильно пострижена в монахини и под именем Марфы, заточена на Белоозере в Николо-Выксинском монастыре. Хотя нет точных данных о поселении царицы-инокини в Горницком монастыре, писали о ее частом посещении, однако сведения об участии царицы в жизни обители и строительстве храма и колокольни дают основания предположить, что она все-таки была насельницей традиционно-царской неволи.⁴

В Белоозерье царица-инокиня Марфа находилась до той поры, пока ее не вызвали в Москву для подтверждения факта гибели царевича Димитрия († 1591 г.) Слух о том, что царевич спасся, начал распространяться еще в начале царствования Бориса Годунова. А в 1603 г. в польских владениях

появился самозванец, который будто бы открыл на исповеди священнику, что он сын Иоанна IV Грозного. Им был расстрига Гришка Отрепьев, которого за нечестивую жизнь сослали в Кирилло-Белозерский монастырь, но по дороге он бежал в Литву. Польский король Сигизмунд, желая ослабить ненавистную ему Москву, подержал самозванца. За Лжедмитрием на русскую землю двинулись полчища шляхтичей. К ним примкнули русские изменники и беглые холопы.

После внезапной кончины Бориса Годунова в 1605 г. под именем царевича Димитрия воцарился самозванец. Смутьяны, примкнувшие к Лжедмитрию, учинили кровавую расправу с семьей Годуновых. Они убили его сына Феодора вместе с матерью Марией Григорьевной, оставив в живых только царевну Ксению. Судьба царевны оказалась весьма скорбной — она попала в наложницы к самозванцу. Перед приездом в Москву невесты Лжедмитрия польки Марины Мнишек Ксения Годунова была пострижена в иночество с именем Ольги и сослана в Белозерский Горницкий монастырь. Через 2 года, когда на троне был уже Василий Шуйский, царевну-инокиню Ольгу вызвали в Москву для участия в погребальной процессии. Это было вызвано царским указом о перезахоронении Годуновых в Троице-Сергиевой лавре. Ксения-Ольга, провожая гробы родных, ехала в закрытых санях и громко оплакивала гибель своего рода.

Смутное время оказалось весьма тяжелым для всего северного края

Руси. Литва и шайки поляков с казаками и русскими лихими людьми, отогнанные ополчением князя Димитрия Пожарского от Москвы, направились к Северу, разоряя все на своем пути. На Белоозеро их привлекали слухи о несметных сокровищах Кирилло-Белозерского монастыря, которым они жаждали завладеть. Не раз подступали они к твердыням обители преподобного Кирилла и осаждали ее, как и Свято-Троицкую Сергиеву лавру.

Но кирилловские монахи во главе с игуменом Матфеем, горячим патриотом и умным администратором, дали решительный отпор захватчикам. Несколько раз воровские шайки пытались взять монастырь приступом. Почти пять лет Кириллов находился на осадном положении, но мужество защитников и крепкие стены обители спасли ее от разорения. По примеру Сергиева монастыря, кирилловские иноки крепко стояли, защищая окраины Севера и веру православную.

В башнях и во всю длину широких стен были поставлены боевые пушки большого калибра. В арсенале имелся значительный запас бердышей, кольчуг, панцирей, шишаков, шлемов, карабинов, пицалей, пороха и прочего.⁵ Укрепленный монастырь мог действительно считаться тогда первостепенной твердыней. Кроме царских стрельцов, он вооружал и собственных ратников из 2-х тысяч своих крестьян. Из грамот, хранившихся в обители, известно, что и в последующие годы XVII века она не раз снабжала царей деньгами, хлебом и воинскими снарядами.

Однако в летопись Кирилло-Белозерского монастыря были вписаны и печальные страницы. Так, «в 7120 году (1612) Июня в 10 день Литва выжгла Белоозеро [г. Белозерск], а в 20 день Августа подходила под Кириллов монастырь с Уломской дороги и выжгла гостиный двор, конюшенный и швальню [портняжную мастерскую]; в следующем году, Сентября в 22 день Литва выжгла Вологду и опять подступала к монастырю ночью; Декабря на 5-ое число пан Бобовский с черкесами непременно покушались взять монастырь, потом же пан Песоцкий с братом своим, ночью на 11-е число, приступали к обители, но были отбиты».⁶ Следы штурма стен были видны но глубоким повреждениям крепости и зданий.

Кирилло-Белозерский монастырь избежал разорения, но сильному опустошению подверглись беззащитные его окрестности, в том числе и Ферапонтов монастырь. В декабре 1614 г. казачий отряд, подойдя к Кириллову из Устюжны, не решился на приступ и, простояв двое суток на Взвозе, ушел в Словинский Волок и Рукину слободку.⁷ Здесь он встретился с другими шайками казаков и литовцев под началом атамана Колынского и Булатова. Разорив до основания окрестные села и деревни, казаки и «черкасы» свернули к Ферапонтову, чтобы идти в Чарондский округ и на Каргополь. Но шайке грабителей едва ли удалось поживиться в Ферапонтове. В это тревожное время, как пишет историк Ферапонтова монастыря И. И. Бриллиантов, монахи заранее ус-

пели скрыть в надежном месте наиболее ценные вещи.

Грабители унесли черный бархатный покров с гробницы преподобного Мартинаиана и подвергли церкви поруганию. В кельях они ставили лошадей, жгли монастырские ворота, мучили до смерти многих местных жителей. Вскоре после ухода казаков власти Кириллова монастыря послали своих людей на Волок и к Феропонтово, чтобы «проведасть про казаков, куда оне пошли». Монастырский служка Григорий Мороз, посланный в Феропонтово, своими глазами видел следы хозяйничанья здесь разбойников. Вернувшись, он так докладывал монастырским властям и воеводе о виденном: «Был-де он в Феропонтове монастыре, и на чудотворцевой дераки был бархат чорн, и тот-де бархат казаки взяли, и в церквях-де ходили, и Божии-де престолы обругали по церквам, и ворота-де и по кельям двери все прижжены, и в кельях и в сенех лошади стояли, и хрестьян-де многих и жонок и девок мучили и огнем жгли, и жонных хрестьян многих видел и мертвых».⁸

О судьбе монахов Григорий Мороз ничего не сообщал, вероятно, они заблаговременно успели скрыться от разбойников. Встретившийся ему феропонтовский мужик Анисимко сказал, что он провожал казаков до Чарондской округи, откуда они хотели идти под Каргополь.

Не оставили поляки и литовцы без погромов и Горицкий девичий монастырь. Разбойничье войско утвердилось в деревнях Уломской волости

и оттуда делало постоянные набеги на окрестные селения. 5 декабря 1612 г. польские и литовские люди подошли к Воскресенскому Горицкому монастырю. Были ли приняты какие-либо меры для защиты в Горицкой обители, неизвестно. Монастырь, кроме деревянной ограды, не имел никаких укреплений. «Поэтому, записано в «Летописи» Горицкого монастыря, весьма возможно, что игуменья Феотиния с сестрами нашла себе убежище или в стенах Кириллова монастыря, или скрывались в каком-либо другом месте».⁹

О нашествии 5 декабря извещалось, что «Церкви Божии обругали и престолы разорили». Предание добавляет, что в церкви Воскресения святотатцами были поставлены кони. Из жалованной грамоты на имя игуменни Анфисы упоминается, что 5 декабря 1612 г. монастырь поляками и литовцами был разорен, а церковь Божия поругана и обращена безбожными людьми в скотное стоялище. Обитательниц монастыря варвары нещадно били и некоторые в ужасных муках умирали, некоторые же успели скрыться.¹⁰

О нападении на Зосимо-Ворбозомский монастырь во время польского нашествия также есть свидетельство в «Летописи» Горицкого монастыря, т. к. в XIX в. эта обитель стала скитом Горицкого монастыря, там жили схимницы. В ней упоминается об ограблении поляками пустыни. Литовские люди, записано в ней, пришли сюда и «обругали» святые иконы, сняв с некоторых серебряные оклады

и другие драгоценные украшения. Народное предание хранит память о битве между литвою и русскими, происходившей при деревне Фетиньиной. Обитель не подверглась полному разграблению, как, например, соседний Никитский монастырь и некоторые села.¹¹ Нападение на Ворбозомский монастырь произошло при строителе Евстафии, управлявшем пустынею с 1598 по 1613 г.

Хозяйничанье панов в окрестностях белозерских монастырей не было продолжительным. Часть разбойники были перебиты, частью сами погибли, оставшиеся же были отогнаны дальше к северу, в Каргопольский и Вытегорский уезды.

Смутное время, несмотря на беды, дало множество героев, среди них особое место занимают мученики за веру. В их числе затворник вологодский Галактион (в миру Гавриил, сын князя Ивана Бельского), которого замучили ляхи в 1612 г., как и его наставника

Иринарха Ростовского, затворника Борисоглебского монастыря. Мученическую кончину принял и основатель одного из вологодских монастырей Евфросин Синозерский. Прозорливый отшельник предупредил жителей, что враги скоро придут и на Синичье озеро в его пустыню, велел всем укрыться в болотах. О себе же сказал, что должен остаться здесь по обету. Грабители, ища сокровища, убили страдальца, вместе с ним мученическую кончину принял инок Иона.

Пройдя через грозные испытания Смутного времени, русский народ осознал, что только твердость в православной вере и сохранении государственности устоит Россия. И в наше время это не только не утратило своей злободневности, но остается стержнем существования нашей державы — Святой Руси. «Русь Святая, храни веру православную, в нейже тебе утверждение!»¹² — поется в одном из церковных песнопений.

Примечания

¹ Русский биографический словарь. Т. «Романова – Рясковский». Пг., 1918. С. 1.

² «Сведения о Горицком женском монастыре». Публикация Ивановой Г. // Кириллов: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 298.

³ Русский биографический словарь. Т. «Романова – Рясковский». Пг., 1918. С. 23.

⁴ В 1611 г. на средства царицы-инокини Марфы (Марии Нагой) к северо-западно-уголу придела Одигитрии Воскресенского собора Горицкого монастыря был пристроен еще один придел, освященный в честь великомученицы Екатерины и царевича Димитрия. Тогда же на ее вклад была построена колокольня на месте древней звонницы. См.: Стрельникова Е. Горицкий Воскресенский девичий монастырь в Белозерье: Страницы истории. Рукопись книги.

⁵ См.: «Историко-статистическое описание Кирилло-Белозерского (Успенского) мужского первоклассного монастыря Новгородской епархии. Составил иеромонах Задонского Богородицкого монастыря Геронтий». М., 1897. С. 88.

⁶ Там же, с. 88–89.

⁷ Бриллиантов И. И. Феропонтов-Белозерский, ныне упраздненный монастырь, место заточения Патриарха Никона. К 500-летию со времени его основания. 1398–1898. СПб., 1899. С. 74.

⁸ Там же, с. 75.

⁹ «Сведения о Горлицком женском монастыре». Публикация Ивановой Г. // Кириллов: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 301.

¹⁰ Там же, с. 302.

¹¹ Там же, с. 344.

¹² Славник стихир на стиховне из службы Всем святым в земле Российской просиявшим (Неделя 2-я по Пятидесятнице // Минея. Май. Часть третья. Изд. Московской Патриархии. М., 1987. С. 327.